

Когда Чжоу Минъюань и Синь Чжэ подъехали к Древней усадьбе семьи Чжоу, двор уже был заставлен роскошными автомобилями. Одни сверкали неброской, благородной роскошью, другие так и кричали о баснословном богатстве владельцев. Минъюань невольно задержал взгляд на одной из машин — коллекционной «Феррари», выпущенной ограниченным тиражом.

Похоже, сегодня Чжоу собрались в полном составе.

Стоило Синь Чжэ припарковаться, как к машине поспешил лакей. С почтительным поклоном он распахнул переднюю пассажирскую дверь и негромко произнес:

— С возвращением, молодой господин Минъюань.

Минъюань лишь сдержанно кивнул. Из соседнего автомобиля тем временем вышел Хань Дун. Обменявшись с Чжоу понимающими взглядами, мужчины вместе с Синь Чжэ направились к главному входу Древней усадьбы семьи Чжоу.

Перед самым отъездом в Китай Хэ Ицзэ снабдил его подробным досье на каждого члена клана Чжоу. Это были не просто сухие биографические справки, а подлинный компромат, собранный с пугающей тщательностью.

Документ пестрел грязным бельем: сколько любовниц содержит очередной двоюродный дядя, какие интрижки крутит престарелая тетушка и кто из кузенов тайно спонсирует восходящих звезд шоу-бизнеса.

Если не считать покойных, семейство Чжоу по-прежнему оставалось огромным. По прямой мужской линии у Минъюаня имелись три двоюродных деда, четыре дяди, две тетки, старший двоюродный брат, трое кузенов, две кузины и племянник. И все они носили фамилию Чжоу.

А ведь были еще и те, кто фамилию не унаследовал: зятья, невестки, племянники всех мастей и дальние родственники. В общей сложности клан насчитывал без малого сорок человек.

Большая часть этой родни занимала теплые места в корпорации «Шэнши Цзядэ», поэтому к оглашению завещания они проявляли живейший интерес. От того, чья рука ляжет на штурвал семейного бизнеса, зависела не просто дальнейшая судьба империи, но и, что куда важнее для каждого из присутствующих, их личные доходы.

У покойного патриарха Чжоу Шисюня и его супруги Пэй Юньжу был лишь один сын — Чжоу Жуйнянь. После его трагической гибели в автокатастрофе бразды оперативного управления взял на себя Чжоу Цинянь, занявший пост генерального директора «Шэнши Цзядэ». Чжоу Цинянь был сыном старшего брата патриарха, Чжоу Шичжао, и родился уже после смерти своего отца.

Чжоу Шисюнь воспитывал Чжоу Циняня с младенчества. Тот появился в усадьбе еще до

рождения Жуйняня и фактически считался старшим сыном. Будучи человеком рассудительным и осторожным, он десятилетиями верой и правдой служил общему делу, заслужив в компании непререкаемый авторитет. Его собственный сын, Чжоу Жуйтин, отучившись в Австралии, вернулся на родину и возглавил ключевое — финансовое — крыло корпорации. Решительный, хваткий, с железной деловой хваткой, Жуйтин в последнее время успешно развивал направления доверительного управления активами и логистических цепочек, по праву считаясь самым перспективным представителем молодого поколения Чжоу.

Все в семье не сомневались: после кончины старого господина Чжоу Шисюня его пакет акций отойдет Чжоу Циняню, который займет пост председателя совета директоров, а Чжоу Жуйтин закономерно поднимется до генерального директора. Отец и сын и сами спали и видели этот сценарий.

Никто и предположить не мог, что из небытия внезапно возникнет Чжоу Минъюань.

Завещание патриарха перечеркнуло все их планы. Старик оставил контроль над «Шэнши Цзядэ» и все свои личные активы вновь обретенному внуку.

Эта новость произвела эффект разорвавшейся бомбы. Семейное гнездо забурлило, как разворошенный улей. Из-за границы спешно возвращались даже те родственники, которые годами не показывались дома.

Едва ли они рассчитывали урвать кусок пирога — законных прав у них не было. С Минъюанем их связывала лишь общая кровь прадеда, Чжоу Ланьтая; общих дедушек у них не водилось.

В свое время, когда Чжоу Ланьтай ушел из жизни, страна переживала тяжелые времена. И Финансовая корпорация Процветание, и Ювелирный дом Благодетель находились на грани банкротства. В наследство потомкам прадед оставил лишь заложенную Древнюю усадьбу семьи Чжоу да славные когда-то имена, которые теперь мало чего стоили.

Тогда Чжоу Шисюнь, презрев возражения братьев, решил заложить Древнюю усадьбу семьи Чжоу банку, чтобы получить оборотные средства и попытаться спасти дело. Но родственники встали на дыбы. Они потребовали раздела имущества и, забрав последние ликвидные ценности, бросили Шисюня один на один с пустеющим огромным домом.

Именно тогда Пэй Юньжу, пойдя наперекор собственной семье, вышла за него замуж. Ее богатое приданое вдохнуло жизнь в умиравший бизнес и спасло то, что осталось от некогда могущественного клана.

К счастью, их отчаянная ставка сыграла.

Чжоу Шисюню удалось совершить невозможное. Он вытащил из пропасти обе компании, объединив их со временем в процветающую финансово-промышленную империю «Шэнши Цзядэ».

Прадед Ланьтай заложил фундамент, но подлинным создателем могущества Чжоу был именно Шисюнь.

Он оказался на редкость великодушным главой рода. Пускай юридически новая империя не имела к боковым ветвям семьи никакого отношения, Шисюнь, как только дела пошли в гору, сохранил за братьями и сестрами их старые доли. Более того, он не стал поминать старые обиды и привлек родственников к управлению, позволив им греться в лучах своего успеха.

И вот теперь, после его смерти, когда личные акции и пост председателя переходили законному внуку, это выглядело абсолютно справедливым.

Однако человеческая природа завистлива, а в таком змеином гнезде, как семья Чжоу, чужая беда — лучший праздник. Многие из кузенов Минъюаня преодолели тысячи миль исключительно ради того, чтобы поглазеть на новоявленного наследника.

Те, кто давно точил зуб на Чжоу Циняня и его сына, сдерживали злорадные ухмылки: им не терпелось увидеть, как зарвавшиеся родственники сядут в лужу.

В конце концов, внезапное появление Чжоу Минъюаня больше всего ударило именно по этим двоим, уже считавшим себя полновластными хозяевами положения.

Так что взгляды, которыми встретила Минъюаня гостиная усадьба, отличались редким разнообразием.

Оценивающие, ледяные, насмешливые, презрительные, любопытные, торжествующие, откровенно враждебные — каждый выражал гамму чувств по-своему.

Высокий, статный, с безупречной военной выправкой, Минъюань шел вперед, не поворачивая головы. Он словно не замечал уколов чужих глаз. Спокойно и уверенно он пересек залу, приблизился к пожилой даме, восседавшей в кресле во главе стола, почтительно склонил голову и негромко произнес:

— Приветствую вас, бабушка.

Пэй Юньжу, сверстнице своего покойного мужа, перевалило за восемьдесят, однако время пощадило ее. Роскошная жизнь и лучший уход разгладили морщины, а строгие, классические черты лица до сих пор хранили следы былой ослепительной красоты. Пышная серебряная шевелюра не старила ее, а лишь придавала облику величавое, поистине королевское благородство.

Она не производила впечатления жесткой, властной железной леди, скорее казалась добродушной и ласковой бабушкой. Но стоило заглянуть в ее темные, бездонные, как старый колодец, глаза, становилось ясно: в них таится вековая мудрость и пронизательность,

способная видеть людей насквозь.

И сейчас этот высокий, красивый юноша стоял перед ней, держась с непоколебимым достоинством.

На долю секунды Пэй Юньжу показалось, будто время повернуло вспять. Словно тридцать лет назад ее сын просто ненадолго вышел за порог и теперь возвращается — легкой, упругой походкой пересекает залу, весело глядя на нее.

Голос Минъюаня рассеял морок.

Он говорил ровно, низким бархатным баритоном, а вежливая полуулыбка на его губах была выверена до миллиметра — ни капли лишней фамильярности, но и без признаков надменного холода.

Пэй Юньжу понимала: это не её сын.

Её дорогой Жуйнянь погиб больше тридцати лет назад, и холмик его могилы давно порос травой.

Но перед ней стоял его сын. Плоть от плоти, живое продолжение безвременно оборвавшейся жизни. Сердце старой женщины защемило от запоздалого, жгучего раскаяния. Зачем она тогда, ослепленная горем, наговорила невестке тех ужасных слов? Ее гордыня и слепая ярость обрекли молодую женщину и ребенка на годы лишений, а саму Пэй Юньжу лишили единственной ниточки, связывающей ее с погибшим сыном.

Всю жизнь славившаяся железным характером, старая госпожа вглядывалась в красивое лицо внука. Он улыбался, но взгляд его оставался чужим, заледеневшим. Старуха мысленно вздохнула, признавая поражение.

Спрятав нахлынувшую грусть поглубже, она ласково кивнула и указала на свободное кресло по правую руку от себя — самое близкое к ней:

— Присаживайся сюда, дитя.

Этот жест заставил присутствующих затаить дыхание.

Указанное место традиционно предназначалось для Чжоу Жуйтина, старшего внука. Тот всегда считался любимчиком стариков и главным претендентом на престол.

По крайней мере, так было до сегодняшнего дня.

Прежде, даже если Жуйтин отсутствовал, кресло пустовало — никто из младших кузенов не смел на него посягнуть.

Решение старой госпожи прозвучало без слов: она безоговорочно признала права Минъюаня.

Значит, вопрос о престолонаследии в «Шэнши Цзядэ» решен окончательно и бесповоротно?

— Бабушка! Но ведь это место Жуйтина! С какой стати его должен занимать невесть откуда взявшийся проходимец?

Этот визгливый, капризный выпад разорвал напряженную тишину гостиной.

Минъюань повернул голову на звук. Симпатичная, броско одетая девица сверлила его яростным, полным ненависти взглядом.

В памяти мгновенно всплыли строчки из досье Хэ Ицзэ.

Чжоу Цзысюань. Младшая дочь Чжоу Циняня, родившаяся, когда тому перевалило за сорок. Избалованная, капризная пустышка, привыкшая получать все по первому требованию. И, судя по всему, круглая дура.

«Что ж, Хэ Ицзэ не преувеличивал», — подумал Минъюань.

Возмущение девицы разделяли многие, но озвучить его никто не решался. Во-первых, большинство собравшихся принадлежали к боковым ветвям клана и не имели права голоса в делах прямой линии. Во-вторых, Пэй Юньжу никогда не отличалась глупостью: если уж онапустила Минъюаня в дом, значит, все проверки на родство давно пройдены. Глупо оспаривать очевидное.

Тем не менее, затаив дыхание, родственники ждали ответа. Всем не терпелось увидеть, как заезжий выскочка справится с первой проверкой на прочность. Зала безмолвствовала.

Лишь Чжоу Цинянь, нацепив маску суровой добродетели, прикрикнул на дочь:

— Замолчи! Не твоего ума дело. Знай свое место и не лезь, когда старшие разговаривают.

Чжоу Минъюань промолчал. Тень вежливой усмешки скользнула по его лицу. Склонив голову перед бабушкой, он неторопливо подошел к креслу Жуйтина, развернулся к притихшей толпе родственников и спокойно сел.

В его движениях сквозила такая уверенность, словно он занимал это место по праву рождения.

Обычное резное кресло под ним превратилось в трон. Он обвел гостиную ленивым, скользящим взглядом, но в этих темных глазах на миг блеснула сталь — холодная, острая, заставившая присутствующих отвести глаза. Даже выдавший виды Чжоу Цинянь невольно напрягся под этим тяжелым взглядом.

Гостиная окончательно погрузилась в молчание. Попытка коллективно запугать чужака с треском провалилась, оставив на лицах родственников гамму самых нелепых выражений.

Старая госпожа тем временем невозмутимо сделала глоток свежесваренного чая, поданного тетужкой Цинь. Тонкий аромат элитного «Дахунпао» наполнил комнату. Пиала старинного фарфора мягко опустилась на лакированную поверхность стола, издав едва слышный стук.

Поправив на плечах шелковую синюю шаль ручной вышивки, Пэй Юньжу мягко посмотрела на притихшую внучку:

— Твой брат сегодня занят на переговорах и не сможет приехать.

Цзысюань открыла было рот для возражения, но отец больно сжал ее запястье, заставив замолчать. Старая госпожа ровным голосом добавила:

— Но даже если бы он освободился раньше, без места мы бы его не оставили.

Смысл этих слов дошел до каждого: Чжоу Жуйтин навсегда лишился права на лидерство в семье. Однако его заслуги и текущее положение в бизнесе останутся незыблемыми. Это было скрытым обещанием Чжоу Циняню — мол, ваши привилегии при новом порядке не пострадают, но и предупреждением: не стоит зариться на чужой кусок пирога. У каждого в этом доме есть свое строго определенное место.

Цзысюань хлопнула наращенными ресницами, мало что поняв, но мрачный вид отца заставил ее прикусить язык.

Пэй Юньжу окинула залу величественным взглядом и заговорила вновь:

— Я собрала вас всех здесь ради одного важного дела.

<http://bllate.org/book/19036/1986892>